

Спустя несколько дней по Уэно стремительно разнеслась весть. Поговаривали, будто в окрестностях горы Кумакума, что высилась неподалеку от деревни Мацусита, объявился проклятый дух особого ранга.

Обликом он походил на прекрасного юношу лет семнадцати-восемнадцати: тонкий, изящный силуэт, белоснежные волосы с черными, точно тронутыми тушью кончиками, и странные, диковинные одежды, совсем не похожие на привычные японские кимоно. Глаза он держал постоянно закрытыми — поговаривали, будто юноша слеп, — а на его веках дремали бабочкоподобные проклятые духи, точь-в-точь похожие на редких тропических морфо.

Существа эти были необычайными: они кормились людскими слезами, а с их трепещущих крыльев осыпалась сверкающая синяя пыльца, притупляющая любую боль. Каждый, на кого попадала эта пыльца, обретал способность видеть проклятых созданий, однако из-за их поразительного сходства с обычными бабочками мало кто догадывался о зловещей природе лазоревых вестников.

Вместе со слухами ширилось и предостережение для простых людей: «Обходите гору Кумакума стороной! Коль не повезет столкнуться с этим существом — бегите без оглядки! Не заговаривайте с ним и не поддавайтесь обману его дивной красоты. Он смертельно опасен!»

В Уэно воцарились уныние и страх. Местные заклинатели наспех окружили гору Кумакума барьером, пытаясь запереть тварь внутри, однако никто не мог поручиться, что завеса сдержит столь могущественного духа. Объятые ужасом крестьяне из окрестных деревень бросали свои дома и бежали куда глаза глядят, лишь бы укрыться от беды.

В самом городе замерла жизнь. Крупнейшие торговцы, спешно собравшись на совет, объявили щедрую награду для любого, кто сумеет изгнать проклятие и вернуть покой в их дома. Обещанное золото поманило в Уэно толпы бродячих магов.

Тем временем сам Харе, мирно дремавший в лесной глуши и раздумывавший, куда податься дальше, пребывал в легком недоумении...

На окраине Хэйан-кё, укрывшись в густой тени вековых деревьев, сиротливо высилась старая усадьба, покрытая тусклым алым лаком. Урауме, поднявшись на рассвете, привычно затягивал шелковые шнуры-тасуки на рукавах кимоно, хмурясь от невеселых мыслей.

Что-то шло не так. Последние дни Господин Сукуна вел себя из рук вон странно.

Началось все несколько ночей назад, в пору затяжного, холодного ливня. То была редкая для начала зимы гроза — яростная, с оглушительными раскатами грома и бешеными порывами ветра, от которых жалобно дребезжали ставни усадьбы, а в саду с сухим треском ломались бамбуковые стебли. Ненастье утихло лишь к самому рассвету.

Урауме спал скверно и поднялся еще до первых лучей. Времени до завтрака оставалось предостаточно, поэтому он сначала привел в порядок заваленный ветками двор, а перед тем как уйти на кухню, решил заглянуть во флигель к господину — вдруг будут какие поручения.

Войдя в сад, он с удивлением обнаружил, что Сукуна уже на ногах. Набросив на плечи черное хаори, Король Проклятий сидел у распахнутого окна, подперев подбородок рукой, и завороченно смотрел на умытую дождем бамбуковую рощу.

Черты его лица казались непривычно мягкими, спокойными, но в этой тишине сквозила едва уловимая, щемящая грусть. Тогда Урауме списал все на утреннюю усталость — мало ли что померещится спросонья.

Однако последующий разговор заставил его усомниться в собственной слепоте. Сколько бы Урауме ни расспрашивал господина о его пожеланиях к трапезе, тот лишь отмахивался безучастным «неси что хочешь», хотя обычно любил поговорить о еде.

А перед тем как слуга покинул покой, Сукуна окликнул его. В памяти Урауме до сих пор отчетливо звучал тот странный вопрос:

— Скажи, бывало ли у тебя так... будто в голове рождаются воспоминания? До того отчетливые, осязаемые, но ты точно знаешь, что с тобой этого никогда не случилось.

Что он тогда ответил? Кажется, пробормотал растерянное «нет», а потом добавил что-то нелепое про отголоски прошлых жизней или видения грядущего.

Уходя, Урауме краем глаза заметил, как Сукуна тихо вздохнул и, опустив веки, прошептал:

— Наказание мое...

Слуга тогда едва не выронил поднос от испуга.

Господин Сукуна... вздыхает?! Это было за гранью мыслимого. Грозный Король Проклятий, державший в ужасе весь Хэйан-кё, сам являлся источником чужого кошмара! Кто в поднебесной мог стать для него «наказанием»?

Да и голос его звучал непривычно — без капли злости, скорее с мягкой, бессильной обреченностью, какую Урауме прежде никогда не слышал.

Слуга сломал всю голову, пытаясь разгадать эту загадку, и даже начал всерьез сомневаться в себе: а вдруг он в чем-то провинился и разгневал господина? На этой почве он принялся изошряться на кухне с удвоенной силой, но столкнулся с новой, куда более сокрушительной бедой.

Его кулинарные шедевры, перед которыми поблекли бы яства из императорского дворца, Сукуна... едва пригубил! Съел жалкую кроху и велел унести!

О небеса! Для преданного слуги это было сродни удару молнии. Мир рушился прямо на глазах. Неужто его стряпня стала господину противна? Неужто он утратил доверие, и его изысканные блюда теперь не лезут Сукуне в горло?!

Терзаемый тревогами Урауме не раз порывался броситься к повелителю и вымолить прощение за неведомый грех, но всякий раз заставлял его в глубокой задумчивости. Момент казался неподходящим, и приходилось лишь молча наблюдать.

И наблюдения эти открывали все новые, пугающие перемены.

Сукуна напрочь перестал выходить на прогулки.

Прежде господин обожал бродить по округе. И пускай на пути ему то и дело попадались засады — глупые, самонадеянные заклинатели слетались стаями, выкрикивая пафосные речи о спасении невинных душ, — все они неизменно находили смерть от его руки. Порой эти докучливые мошки портили Сукуне настроение, но чаще он просто переступал через остывающие тела и продолжал свой путь среди луж крови. Иногда позволял Урауме следовать за собой, иногда уходил один.

Теперь же он целыми днями не покидал поместья.

Станным было и то, что их нынешнее пристанище — отбитое когда-то у прежних владельцев после неудавшегося покушения — не являлось тайной. Любой мало-мальски смелый глупец знал, где искать Короля Проклятий. Обычно у ворот то и дело крутились охотники за головами, чья плоть в итоге удобряла корни старой сакуры в саду. Но в эти дни не появлялось ни единой живой души.

Вокруг царила оглушительная, пугающая тишина. Такой покой, конечно, радовал слугу, но и наводил на подозрения: куда запропастились проклятые заклинатели?

Размышляя об этом, Урауме вошел на кухню. Поправив рукава, он повязал голову чистой белой косынкой и принялся за работу.

На завтрак было решено подать рамэн на наваристом курином бульоне пайтан. Прозрачную основу он долго томил на костях с добавлением лесных грибов, отчего суп приобрел глубокий, янтарно-белый цвет и невероятно плотный, лакомый аромат. Сверху уложил нежные ростки сезонных овощей, разрезанное пополам яйцо с жидким, как золото, желтком, и тонкими волокнами нарвал томленную курятину. Венчала блюдо щепотка кунжута со свежим луком.

Урауме двигался с отточенной грацией мастера. Вскоре дымящаяся пиала оказалась перед

господином. Подав завтрак, слуга не спешил уходить, твердо решив во всем разобраться.

Он набрал в грудь воздуха, готовясь заговорить, но Сукуна опередил его. Поставив чашу с чаем на стол, он пристально посмотрел на слугу:

— Урауме. Ступай и отыщи мне одного человека.

— Будет исполнено, господин... — по привычке склонился тот, но тут же с удивлением поднял взгляд: — Неужто объявился достойный соперник?

Он мгновенно связал странное поведение хозяина с этой таинственной личностью. Раз уж сам Король Проклятий выказал беспокойство, этот враг наверняка невероятно силен и, возможно, затаился где-то поблизости, выжидая момент для удара!

Сукуна, не догадываясь о рое мыслей в чужой голове, лишь слегка прикрыл глаза, погружаясь в воспоминания о той грозовой ночи. В памяти всплыл чужой образ и едва заметные, острые клыки, прикусывающие губу. На губах проклятия заиграла мимолетная усмешка.

— Да, — негромко отозвался он. — С ним хлопот не оберешься.

Услышать подобное признание от самого Сукуны было потрясением. Урауме потрясенно замер, а затем его лицо сделалось суровым и решительным.

— Господин! Кем бы ни был этот наглец, если я могу быть полезен, я отдам жизнь без остатка, лишь бы помочь вам истребить его!

— Истребить? — Сукуна удивленно вскинул брови.

— Да, мой господин, — горячо подтвердил слуга. Заметив озадаченный взгляд хозяина, он испугался: неужто этот враг настолько силен, что даже Сукуна сомневается в возможности его уничтожить?

Внутреннюю панику прервал резкий свист рассекаемого воздуха.

Нападение?!

Реакция Урауме была мгновенной. Всплеск проклятой энергии — и летящая стрела замертво застыла в ледяных оковах прямо посреди комнаты. Осторожно сняв ледышку, слуга обнаружил примотанное к древку послание.

— Господин, — он протянул записку Сукуне, но тот лишь лениво махнул четырехпалой рукой,

велел читать вслух.

Урауме развернул плотную бумагу:

— Пишут, что в землях Уэно объявился жуткий проклятый дух в обличье юного отрока. Он слеп... Весть уже дошла до Хэйан-кё, и множество заклинателей спешно выдвинулись туда, дабы оборвать его жизнь на месте...

Тихий, бархатистый смех прервал чтение. Глаза Сукуны хищно блеснули, а лицо исказила предвкушающая, шальная улыбка.

— Нашелся... — выдохнул он. — Значит, ты и впрямь не плод моего воображения.

— Господин? — не понял Урауме. Он скользнул взглядом по подписи внизу записки. Весть прислал тот самый скользкий и неприятный заклинатель по имени Кэндзяку.

Сукуна поднялся с циновки, по-кошачьи потянувшись. Плечевые мышцы перекатились под кожей, являя грозную силу его истинного четырехрукого обличья. Он небрежно повел шеей и хмыкнул:

— Собирайся, Урауме. Мы отправляемся в Уэно.

В его голосе сквозило такое неприкрытое, искреннее веселье, что слуга мгновенно уловил перемену настроения хозяина.

— Мы идем, чтобы убить ту тварь из записки? — Урауме поспешил следом.

Сам он полагал, что неизвестный дух сослужил им хорошую службу, оттянув на себя назойливых магов, но воля господина была для него законом.

Высокий четырехрукий силуэт в черном хаори замер на пороге. Сукуна обернулся, сощурился все четыре глаза, и его губы разошлись в хищном оскале:

— Нет... Мы идем его забрать.

<http://bllate.org/book/19043/2005246>